

А. В. Хрусталёва

Саратовский государственный технический университет

**«БУКАШКА В НИВЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»:
ПИСЬМО Л. А. СЛОВОХОТОВА К П. Н. САКУЛИНУ
(1929)**

Впервые публикуется письмо малоизвестного саратовского литератора Л. А. Словохотова к П. Н. Сакулину, хранящееся в РГАЛИ. Дан анализ социального положения, наиболее значимых профессиональных характеристик адресанта письма, повод, побудивший его обратиться к адресату. Приводятся биографические данные Словохотова, восстановленные по личным делам в архивах Саратова. Указано на типичность определенных характеристик адресанта.

Демонстрируется, что с учетом постоянно обновляющихся данных, публикаций архивных сведений, желательна реинвентаризация литературоведческих методов 1920-х годов на современном уровне, показывающая их динамику и взаимопроникновение ключевых элементов.

Показано, что основное авторское намерение Словохотова состояло в защите классического наследия русской литературы. Затронута связь с вульгарно-социологическим литературоведением. Упомянуты три основных закона литературного процесса, выделяемые Сакулиным.

На примере Саратова приводятся факты, демонстрирующие отсутствие жесткой централизации партийного контроля и цензуры в регионах в период НЭПа. Дается информация о разгромных критических отзывах на работы Словохотова. Собранный материал демонстрирует, что литературная ситуация конкретного региона имеет свое лицо и не может считаться слепком с того, что происходило в Москве.

Ключевые слова: Л. А. Словохотов, П. Н. Сакулин, русская классическая литература, метод в литературоведении, вульгарно-социологическое литературоведение.

Публикуемое в приложении к этой статье письмо малоизвестного саратовского литератора 1920–1930-х годов Леонида Александровича Словохотова к несравнимо более авторитетному и известному историку и теоретику литературы, лингвисту Павлу Никитичу Сакулину (1868–1930) интересно тем, что демонстрирует каналы миграции идей между литературоведческими школами и характеризует определенный этап в жизни вульгарно-социологического литературоведения. Оно показывает ярчайший пример того, как литература становилась не только «учебником жизни», но фактически «спасательным кругом».

Хрусталёва Анна Владимировна – доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Саратовского государственного технического университета (ул. Политехническая, 77, Саратов, 410054, Россия, tevlin1982@mail.ru)

Л. А. Словохотов (1881–1958) – автор полузабытых книг о русской словесности, недостаточно четко сформулировавший свои мысли, разгромленный современной ему критикой. На первый взгляд, его образ удачно дополняет галерею «маленьких людей», архетипичную для русского литературного сознания. Специфическая юрдовость, которую читатель обнаружит в строках приводимого письма, напоминает об Акакии Акакиевиче Гоголя, о чихнувшем на лысину генерала чиновнике у Чехова, об отце Федоре, который действует «не корысти ради, а токмо во исполнение воли» пославшей его жены, из Ильфа и Петрова. И даже более точной ассоциацией могла бы стать параллель с персонажами Зощенко.

Но историк литературы помнит слова Ю. М. Лотмана о том, как полезно менять масштаб: «...творчество десятков ныне забытых поэтов начала XIX века составляло поэтический “воздух”, которым дышало пушкинское поколение» [Лотман, 1961, с. 14]. «Вершин не существует без подножий, – Жуковского и Пушкина нельзя понять (и, главное, почувствовать) без окружавшего их литературного фона» [Лотман, 1971, с. 61]. Так и в данном случае, когда речь идет о первой трети XX века, наполненной другими именами, о литературоведах, а не о писателях, – второстепенные фигуры дают нам более полное представление о тех, кому они подражали.

Книга «О классиках русской литературы» [Словохотов, 1927], которая будет рассматриваться далее, по своей тематике ничего ошеломительно нового для читателя, вооруженного знанием о 1920-х годах, не откроет. Это – панегирик русским писателям, вызванный дискуссиями о праве классики на существование и ее пригодности для воспитания пролетариата. Эти дискуссии велись и ранее, но новым грозным аккордом стало создание к 1925 году комплексных программ для учебных заведений, подготовленных на основе рекомендаций научно-педагогической секции Государственного ученого совета (ГУС) при участии Н. К. Крупской, в которых литература прекращала быть самостоятельным предметом. Творчество русских писателей рассматривалось только в качестве иллюстрации к обществоведческим темам. Если бы эти программы были повсеместно и без альтернативы утверждены, сегодня Пушкин, возможно, в нашем сознании был бы где-то рядом с Эсхилом. Образованная часть общества, не чуждая проблем отечественного слова, чувствовала необходимость отстоять классику.

«Революция ни в чем не оплевала дореволюционную литературу», – замечает Словохотов [1927, с. 127]. Его исследовательские амбиции и конкретные предложения по своим контурам мало выходят за пределы вульгарно-социологического литературоведения. Важной для Словохотова стала идея Г. В. Плеханова об отражении в литературе классовой идеологии, усвоенная, скорее всего, не прямо, а через последователей, наиболее вероятно – через влияние В. Ф. Переверзева и В. Л. Львова-Рогачевского: «Мы вооружаемся критическим микроскопом Октября, и начинаем подходить к литературе с формулой, что мыслит не отдельный человек, мыслят общественные группы, общественные классы» [Словохотов, 1927, с. 56].

Л. А. Словохотов
Фрагмент групповой фотографии
(предоставлена родственниками
Л. А. Словохотова по просьбе
А. В. Хрусталевой)

В книге намечена (только намечена!) необходимость поиска общего литературного стиля эпохи, основанного на экономическом базисе. Как нам представляется, демонстративный выпад Словохотова против А. Н. Пыпина («...в могилу прошлого сдаются нами разнообразные историко-литературные увлечения» [Словохотов, 1927, с. 56]) связан с влиянием Переверзева. Это – отголосок его теории «параллельного ряда», где литературные явления объясняются производственно-экономическими отношениями, а живопись, политика, архитектура и другие сферы человеческой деятельности объявляются ничего не объясняющим, внелитературным, «параллельным» рядом.

Интересно, тут, однако, другое. В методологическую «окрошку» Словохотов щедро «накромсал» и Сакулина. Он активно использует его идею о «законе инерции» (так Сакулин называет преемственность между периодами развития литературы), причем соответствующая сакулинская цитата предпослана книге в качестве эпиграфа. Таким образом, перед нами не чистое переверзианство, официально в тот период насаждаемое, а некий вполне эклектичный «саратовский стиль».

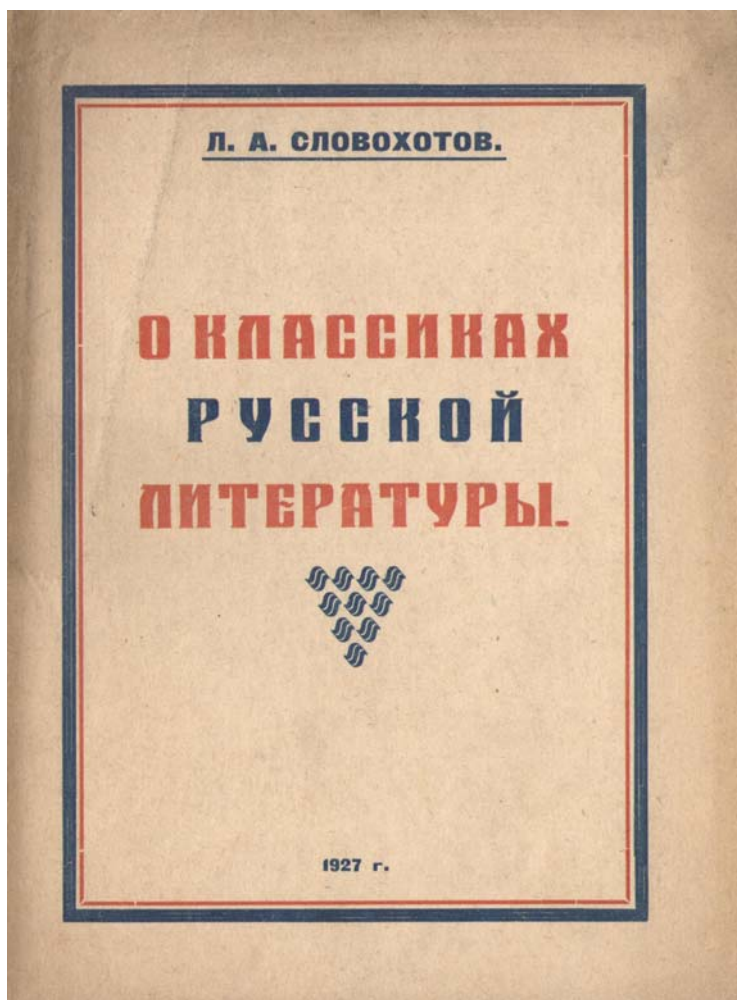
Из письма Словохотова следует, что Сакулин писал в Саратов и сам.

К настоящему времени по существующим публикациям [Елина, 2012, с. 123–136; Елина, Хрусталева, 2016] и архивным разысканиям, осуществляемым, в том числе, родственниками Л. А. Словохотова, о жизни саратовского литератора известно следующее. Он родился 10 (23) марта 1881 года в семье протоиерея Оренбургской епархии Александра Петровича Словохотова. В семье было еще двое детей – старшая сестра Зинаида и младший брат Николай. Последний, как и старший брат, был юристом и также увлекался литературой (публиковался под псевдонимом *Никола Растяшный*).

Л. А. Словохотов – выпускник Демидовского лицея (Ярославль) 1906 года; его квалификационная работа была в области юриспруденции.

В Оренбурге Словохотов сделал успешную карьеру. За десять лет (с 1906 по 1916 год) по служебной лестнице он поднимается до должности товарища прокурора Оренбургского окружного суда. В 1915 году произведен в надворные советники. Пожалован личным дворянством, активно участвует в общественной жизни, в том числе публикует работы по истории Оренбуржья.

В декабре 1916 года Словохотов приезжает в Саратов с женой Лидией Капитоновной, в девичестве Белявской, и с дочерью Серафимой (1902 года рождения). Они регистрируются по адресу Саратов, Армянская улица, дом 20, квартира 1 (к сожалению, дом не сохранился). Этот же адрес мы увидим и в письме к Сакулину 1929 года.

Обложка книги Л. А. Словохотова «О классиках русской литературы» (1927)

Причина переезда – назначение на равнозначную должность в Саратов. Это было не простое перемещение, но карьерный рост, так как Саратов 1916 года вошел в десятку крупнейших городов империи и был более завидным и «хлебным» местом, чем Оренбург.

Февральскую революцию Словохотов не только принял, но и, по-своему осмыслив, предпринял активные действия. Он выступил кандидатом в Городскую Думу Саратова от партии Народной свободы (конституционно-демократической по своим воззрениям). В сентябре 1917 года в соседнем с Саратовом Кузнецке Словохотов выступил с лекцией «Чем нельзя медлить». Но время и не медлило. Месяц спустя произошла революция.

В декабре 1917 года Словохотова увольняют из саратовской прокуратуры как чуждого новой власти. И вот тут нужно понимать, какой это был удар для товарища прокурора – увидеть новый порядок: полуграмотных и агрессивных людей, захватывающих власть, полное разрушение всех устоев старого мира...

Нужно было как-то выживать. И литература стала спасительным островком, еще связанным с тем миром, в котором Словохотов сохранял место в «табели о рангах».

С 18 мая 1918 по 15 февраля 1919 года он – ассистент по кафедре истории русского права на юридическом факультете Саратовского университета. Словохотов планировал карьеру преподавателя, но юридический факультет в Саратове упразднили.

В 1918 году состоялось интересное мероприятие – литературно-общественный суд над Раскольниковым, в котором провинциальный литератор выступил в роли прокурора. Интересно, что Словохотов попытается найти применение своему красноречию в докладной записке, содержащей ходатайство об открытии кафедры риторики в Саратовском университете, которую он сам хотел возглавить¹. Кафедра открыта не была.

Возможность выступать с лекциями давала хлеб насущный в самом прямом и буквальном смысле. Словохотов подчеркивает в своих трудах, что неоднократно выступал публично на темы русской и мировой литературы, и делал это не бесплатно. Вполне резонно было бы спросить: кто же в пертурбациях 1917 – 1920-х годов взял на себя «спонсирование» подобных выступлений?..

Известно, что с 1921 года и далее во время НЭПа культурно-просветительная работа в Саратове и в губернии осуществлялась со значительной опорой на местное финансирование². Это прямо указывает на силы, способные не разово, а всерьез протянуть руку шефской помощи литературе, – профсоюзы и кооперативы. Так, в фондах ГАСО можно найти постановление, которое предписывает потребкооперации отчислять средства на нужды культурно-просветительной работы³.

Что касается профсоюзов, то их работу мы можем увидеть и ранее, еще до 1921 года, по тому, как они держались за свои культурные объекты, за инфраструктуру для литературно-просветительной работы. В ГАСО содержится специальный циркуляр, который предписывает не мешать передаче культурно-просветительных учреждений Наркомпросу⁴. Роль профсоюзов в период НЭПа подтверждается и конкретными цифрами: в 1926 году количество членов этих организаций составило в Саратовской губернии 125 тысяч 175 человек⁵.

Членство в крупной организации, располагавшей средствами, было одним из способов выжить, не пропустил его и Словохотов. С 1 апреля 1919 года он – помощник юрисконсульта юридического отдела Рязано-Уральской железной дороги. Это рабочее место он сохраняет вплоть до декабря 1928 года, а членом профсоюза железнодорожников остается до конца 1940-х годов. При беглом взгляде такая ситуация кажется парадоксальной: сотрудник царской прокуратуры каким-то образом применил знания, полученные еще до революции, в совершенно новых исторических условиях. Но ничего парадоксального в этом нет.

Согласно исторической справке архива, в марте 1917 года главный комитет служащих РУЖД составляли преимущественно кадеты, эсеры, меньшевики и черносотенцы⁶. С 1 ноября 1918 года работала ликвидационная комиссия по национализации РУЖД, свою работу она завершила к 24 марта 1919 года, но

---

¹ Словохотов Л. А. Докладная записка // ГАСО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 2.

² ГАСО. Ф. Р-847. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 9.

³ Там же. Л. 132.

⁴ Циркуляр по НКПС от 18 сентября 1919 г. // ГАСО. Ф. Р-321. Оп. 1. Ед. хр. 71.

⁵ Саратовский губком ВКП(б). Агитационно-пропагандистский отдел. Планы работы и отчеты о работе отдела // ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Ед. хр. 321. С. 127.

⁶ Историческая справка // ГАСО. Ф. 321. Управление Рязано-Уральской железной дороги. С. 21.

это не может быть доказательством того, что за год железная дорога полностью изжила свой старый настрой. «В управлении Рязано-Уральской железной дороги контрреволюция создала свой руководящий центр», – замечает Плевне применительно к 1921–1922 годам [Плевне, 1985, с. 9].

Кроме того, из той же исторической справки известно, что юрисконсультство имело два отделения – в Саратове и в столице. Скорее всего, при устройстве на работу в фактически заново созданной структуре в Саратове Словохотов воспользовался протекцией какого-то лица из Москвы, знавшего его еще в дореволюционные времена, а сама РУЖД оказалась достаточно инертной организацией для жесткого отбора кадров.

Примечательно, что со временем ареал выступлений расширялся. Согласно документам личного дела Словохотова, он не ограничился Саратовом. Так кто же дал такое право и ответственность бывшему товарищу царского прокурора – читать лекции о литературе перед рабочим классом? И не слишком ли это смело – позволять человеку, который никогда не был большевиком, выступать в Москве, Казани, Горьком, Астрахани, Сталинграде⁷? Скорее всего, всё решили личные связи и членство Словохотова в профсоюзе РУЖД, что лишний раз демонстрирует несбалансированность партийного контроля над «чистотой» литературных рядов в годы НЭПа.

Тот же принцип работал и далее. Можно верить Словохотову, когда он во время допроса указывает, что только в период с 1929 по 1930 год прочитал около 170 лекций на различные темы⁸. В протоколе допроса этому обстоятельству дается внятное объяснение: была задействована протекция председателя краевого комитета животноводства т. Мокроусова.

В письме к Сакулину Словохотов ставит перед собой простую цель – снова найти протекцию. Связано это с тем, что за несколько месяцев до написания письма он теряет работу. Увольнение происходит из-за уже упомянутого труда «О классиках русской литературы». Словохотов пишет Сакулину неспроста: более именитый корреспондент успел к тому времени одобрить его в печати.

И вот здесь центральный и прагматичный вопрос: а зачем нужно было одобрять, с какой целью? Наивно полагать, что сама идея защиты русской классики прозвучала бы для Сакулина обжигающе ново. Выскажем гипотезу, что поощрительное отношение Сакулина к Словохотову было вызвано двумя причинами: во-первых, увлечением последнего вопросами риторики, о чем еще будет сказано; во-вторых, как ни банально, сходством взглядов по тому «закону инерции» (преемственности литературных периодов), о котором уже говорили. Сакулин выделял три закона развития литературы: закон реакции, отторжения от старого; закон инерции, т. е. сохранения неких признаков старого в новом; закон сохранения творческой энергии [Сакулин, 1925]. Он вполне мог дорожить этой своей мыслью.

В своей книге в политически смелой для 1927 года форме Словохотов, в том числе, восхваляет Л. Д. Троцкого-оратора: «Сам Лев Давидович Троцкий, как общеизвестно, является оратором исключительного порядка. Интересно по этому поводу сообщение Демьяна Бедного о том, будто бы Троцкий овладел ораторским искусством с трудом. Например, Троцкий не повторяет в короткой фразе одно и то же определение дважды. Остановившись на этом, Демьян Бедный задает вопрос: а почему? и отвечает, да потому что Троцкий по словарю Даля выучил все

⁷ Словохотов Л. А. Личное дело // Архив СГМУ. Ед. хр. 2568.

⁸ Наблюдательное производство № 130177 по обвинению Словохотова Л. А. // ГАСО. Прокуратура Саратовской области. Ф. Р-2374. Оп. 14. Ед. хр. 1627.

синонимы, чтобы не говорить одно и то же, не повторяться»⁹ [Словохотов, 1927, с. 80]. Поскольку, как мы видели, Словохотов хотел открывать кафедру риторики, он, надо полагать, обладал большой базой наблюдений в области приемов воздействия на читателя и слушателя, и, видимо, успел поделиться с Сакулиным разработанной классификацией или систематизацией в этой сфере.

Есть у книги саратовского автора и еще одна интересная особенность: это отрицательное отношение к Маяковскому и ЛЕФу. Но в этом не было ничего настолько интригующего, чтобы выделить провинциального литератора среди сотен ему подобных. Объясняется это очень просто: в числе лозунгов, выдвигаемых ЛЕФом, был тезис об отказе от учебы у классиков. Словохотов имел основания для того, чтобы находить свой пафос противоположным левовскому.

Выскажем теперь другую версию. В чем именно заключалась эта связующая нить между Саратовом и Москвой? Как нам представляется, Словохотов хотел стать автором учебника по новейшей русской литературе. Однако к настоящему моменту у нас нет прямых доказательств какого-либо привлечения Сакулина к подобному начинанию в провинциальном исполнении.

Работа над подготовкой к публикации и комментированием письма Словохотова к Сакулину позволяет сформулировать предварительные итоги.

Во-первых, насущной задачей современной литературоведческой науки является некоторая ревизия методологического наследия Сакулина. Словохотов и его письмо – лишь один, и далеко не самый главный, повод для такой ревизии.

Во-вторых, интересно было бы внимательнее присмотреться к взаимодействию провинциальных и столичных литературоведческих школ.

В-третьих, случай, который мы рассмотрели, содержит обобщающе-типические черты. Это распространенное «бегство» в литературу от реальной трудовой биографии с целью самосохранения.

В-четвертых, мы видим, что профсоюзы, кооперативы и другие общественные организации играют в провинциальном литературном процессе периода НЭПа значительную роль. Мы также наблюдаем и действие фактора протекций отдельных лиц, которые могли исповедовать различные политические убеждения. Всё это позволяет говорить о том, что партийный контроль над литературой в годы НЭПа в провинции нельзя считать прямым и последовательно регламентирующим. Он был опосредован множеством случайных и неслучайных сил, которые нужно принимать во внимание.

Как известно, жизнь жанрово богаче любого литературного труда. И тот, кто пойдет глубже распространенного до банальности сюжета (столкновение карьериста, стремящегося в поисках «теплого места» вписаться в «элиту», с сопротивлением среды), заметит, что «маленький человек» Словохотов пребывал в эти годы в поисках «большого смысла». Время поставило перед ним задачу, превосходящую по масштабу его самого. Скромным по размеру был талант Словохотова, зато сам он был стойким, как оловянный солдатик, потому что нашел силы продолжать заниматься любимым делом, пройдя «огонь и воду».

Наш герой дважды был арестован, при этом в качестве вещественного доказательства привлекалась упомянутая книга. Отбывал срок наказания. Умер в Саратове в 1958 году.

Письмо Словохотова воспроизводится впервые, с сохранением орфографических и пунктуационных особенностей оригинала. Источник: РГАЛИ. Ф. 444 (П. Н. Сакулин). Оп. 1. Ед. хр. 810.

---

⁹ Орфография и пунктуация источника сохранены.

Москва, Глазовский переулок, 5, кв. 16.
Председателю Общества любителей российской словесности
Профессору Павлу Никитичу Сакулину (лично)

Глубокоуважаемый Павел Никитич!

Письмом и в печати Вы добром отметили мой труд «О классиках русской литературы»¹⁰. Искренне-сердечное Вам спасибо за то.

Спасибо потому, что не к достоинствам моей книги, а к Вашей литературно-художественной нужно отнести внимание к провинциальному изданию.

Это же Ваше внимание говорит и о другом, а именно что по натуре и самовоспитанию Вы родной человек каждой литературно-мыслящей душе.

Вот эти Ваши качества, неизменно Вам сопутствующие и тогда, когда Вы со славой и честью идёте на новую академическую работу¹¹, позволяют мне скромному, но искреннему любителю литературоведения, обратиться к Вам, Павел Никитич, в трудную минуту жизни.

Я букашка в борозде нивы русской литературы, но я бесхитростно и всем существом люблю её. А по стиху Лермонтова: «Чего не вынесешь любя...»¹²

Юрист по профессиональному образованию, я, ско<р>би и вопросы русской литературы всегда ношу в своей груди, и всюду куда меня звали, на университетских и общественных диспутах, мужественно ратовал за красоту и общественное значение русской классической литературы.

Годы так шли благополучно, благополучно была издана в Москве НКПС моя работа «Правовые взгляды Максима Горького»¹³, благополучно издательство «Сотрудник школы» напечатало и другую работу: «Прав-ли Раскольников Достоевского?»¹⁴.

А время бежало. Я увлекся дискуссией партии по литературе и как-то незаметно написал еще работу «О классиках русской литературы».

При чтке этой работы профессор Буш¹⁵ в Саратове и Львов-Рогачевский¹⁶ в Москве сильно обадривали меня. Госиздат и цензура на год задержали выход книжки и она фактически появилась на свет тогда, когда интерес к вопросу о правах классиков в русской литературе упал. Так-как жизнь нашла ему своё посильное разрешение.

---

¹⁰ В обзорной статье, напечатанной в самом первом выпуске журнала «Литература и марксизм», Сакулин писал об изменении отношения к классическому наследию («Права классики восстановлены...»), ссылаясь на книгу Словохотова [Сакулин, 1928, с. 128].

¹¹ В начале 1929 года П. Н. Сакулин становится академиком АН СССР.

¹² Строка из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Склонись ко мне, красавец молодой...» (1832).

¹³ Работа была напечатана в журнале Народного комиссариата путей сообщения «Красный путь железнодорожника» [Словохотов, 1919]. См. также электронный ресурс: http://slovohotov.blogspot.ru/2016/03/blog-post_95.html#!/2016/03/blog-post_95.html

¹⁴ См.: [Словохотов, 1918].

¹⁵ Владимир Владимирович Буш (1888–1934) – профессор кафедры русской литературы СГУ, этнограф, фольклорист, исследователь литературного народничества. Ко времени написания письма – декан педагогического факультета СГУ. Так же, как и Словохотов, состоял в партии Народной свободы.

¹⁶ Василий Львович Львов-Рогачевский (1874–1930) – критик, публицист, литературовед.

Тем не менее критика журналов и газет центра и провинции целый год атомизировала содержание книжки «О классиках» и в метелице этой критики доброе имя автора её величалось как угодно¹⁷. В келии своих переживаний я выстрадал за этот год безмерно много обидного. Но расплата за работу над вопросом о правах классиков была еще впереди.

И числом статей и тоном их, более других, усердствовала в критике книжки «О классиках» саратовская газета¹⁸. В результате всего автор этих строк оказался без места.

Грустно, но факт. Обидно, но это действительность.

Глубокоуважаемый Павел Никитич!

Не окажете ли Вы содействия к получению мной преподавательского места, литературного заказа или звания корреспондента общества или журнала.

В нашей вечно создающейся стране, непечатый край литературной работы – дайте её и мне.

Ваш почитатель Л. Словохотов

Адрес: Саратов, Армянская, д. 20, квартира 1-я

Леонид Александрович Словохотов

15/1/<19>29

Список литературы

Г-д М. [Гельфанд М. С.] Шедевр литературного подхалимства // Известия Саратовского Совета рабочих и кр.<асно>-арм.<ейских> депутатов, Губисполкома, Губкома, Губпрофсовета и Оргбюро Нижне-Волжской области. 1928. 12 февр. С. 2–5.

Елина Е. Г. От девятьсот двадцатых к двухтысячным: литература, журналистика, литературная критика: Сб. ст. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2012. 288 с.

Елина Е. Г., Хрусталева А. В. Л. А. Словохотов в литературной жизни Саратова 1920-х годов // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Филология. Журналистика. 2016. № 3. С. 290–296.

Лотман Ю. М. Русская поэзия начала XIX века // Поэты начала XIX века / Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. Ю. М. Лотмана. Л.: Сов. писатель, 1961. С. 5–112. (Библиотека поэта. Малая серия)

Лотман Ю. М. Поэзия 1790–1810-х годов // Поэты 1790–1810-х годов / Вступ. ст., сост. Ю. М. Лотмана; подгот. текста М. Г. Альтшуллера; Л.: Сов. писатель, 1971. С. 5–62. (Библиотека поэта. Большая серия)

Плеве И. Р. Из истории саратовских профсоюзов 1921–1922 годов. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985. 40 с.

Сакулин П. Н. Синтетическое построение истории литературы. М.: Мир, 1925. 118 с.

Сакулин П. Н. К итогам русского литературоведения за десять лет // Литература и марксизм. 1928. № 1. С. 121–138.

---

¹⁷ Возможно, обширная критика связана с тем, что пользовавшийся определенным авторитетом в саратовском литературном мире Г. Лелевич был крайне скептически настроен по отношению к Переверзеву и, тем более, к его эпигонам. Г. Лелевич работал в одном издании с М. С. Гельфандом и имел на него влияние.

¹⁸ Речь идет о газете, в обиходе называемой, как правило, «Саратовские известия». Среди других отрицательных отзывов особой силой напора отличается статья М. С. Гельфанда, исполнившего в указанный период обязанности ответственного редактора этого издания [М. Г-д, 1928]. Гельфанд впоследствии оставил Саратов, приобрел известность как критик, теоретик литературы, журналист-международник.

Хрусталёва А. В. «Букашка в ниве русской литературы»

Словохотов Л. А. Прав ли Раскольников Ф. М. Достоевского? Речь прокурора литературно-общественного суда над Раскольниковым – героем романа Достоевского «Преступление и наказание». Саратов: Издание Товарищества «Сотрудник школы», 1918. 56 с.

Словохотов Л. А. Правовые взгляды Максима Горького // Красный путь железнодорожника: Издание Главного политического управления ж. д. НКПС. М.: Литературно-издательский отдел Главполитпути, 1919. № 28. С. 5–7.

Словохотов Л. А. О классиках русской литературы. Саратов: Изд. автора; Тип. Горсовета в Балакове, 1927. 195 с.

Архивы

Архив Саратовского государственного Медицинского Университета (СГМУ), Саратов.

Государственный архив Саратовской области (ГАСО), Саратов.

Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО), Саратов.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), Москва.

A. V. Khroustaleva

Gagarin State Technical University of Saratov

«AN INSECT IN THE GRAINFIELD OF RUSSIAN LITERATURE...»: ONE L. SLOVOKHOTOV'S LETTER TO P. SAKULIN (1929)

The article is the commentary to the letter by Leonid Slovkhotov to Pavel Sakulin written in 1929. It demonstrates the ways how vulgar-sociologic literary scholars explained their method. It also shows that Saratov literary school didn't follow Pereverzev in his methodological searches rigorously.

Slovkhotov was born in 1881. His rank and social position as a member of Cadet Party didn't promote his career after the October Revolution, that's why his biography and literary works are somehow the illustrations of «the lost generation». He managed to survive and even get a place in a literary establishment, but the article shows that was mainly through protections and social ties. The main motive to write a letter is Sakulin's being an academician and authoritative figure in the literary elite of the time. But the article also shows that Slovkhotov used his ideas.

The author is the first to publish main details of the Slovkhotov's biography. Thus the date of death, the exact place where the grave is located, some details concerning Slovkhotov's work at the railroad are revealed by the author.

The main idea the Slovkhotov took from Sakulin's work is that there is no gap between two different epochs, that's how it's quite natural to study Russian classic literature. On the contrary, some representatives of the Marxist literary criticism thought there was no sense in doing so.

Slovkhotov writes in his book and his letter to Sakulin that Russian classics showed great ideals to the descendants. It is quite noteworthy that he cites Leo Trotsky in his book in 1927. This fact and also some archive data let the author state that the communist control over literature in 1921-1928 was rather unbalanced.

The author shows where Slovkhotov followed Pereverzev and vulgar-sociologic literary scholars, nonetheless the problem has to be studied further. Shall we decide that was Plekhanov's method or his modification by Pereverzev? Shall we ascribe his own method to Sakulin? If so, why this method is not studied in depth?

The author also demonstrates that in Saratov many decisions were taken not by party, but privately. The critical reviews on Slovkhotov are given. The material shown by the author of the article is meant to hint that the taxonomic problem of exact methodological definition of text interpretation is far from being solved. The absence of typology criteria for existing methods inevi-

tably hinders the work of literary scholars and interferes with the proper systematization of the material.

Keywords: L. A. Slovochotov, P. N. Sakulin, Russian classical literature, a method in literary criticism, vulgar-sociological literary criticism.

References

Elina E. G. Ot devjat'sot dvadcatyh k dvuhtysjachnym: literatura, zhurnalistika, literaturnaja kritika: Sb. statej [From nine hundred to two thousand twenties: literature, journalism, literary criticism: Collection of articles]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2012. 288 p.

Elina E. G., Hrustaleva A. V. L. A. Slovochotov v literaturnoj zhizni Saratova 1920-h godov [L. A. Slovochotov in the literary life of Saratov in 1920-ies]. In: Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Filologija. Zhurnalistika [Bulletin of Saratov University. New series. Philology. Journalism]. 2016, Iss. 3, pp. 290–296.

G-d M. [Gel'fand M. S.] Shedevr literaturnogo podhalimstva [A masterpiece of literary sycophancy]. In: Izvestija Saratovskogo Soveta rabochih i kr.<asnno>-arm.<ejskih> deputatov, Gubispolkoma, Gubkoma RKP, Gubprofsoвета i Orgbjuro Nizhne-Volzhskej oblasti [The Bulletin of the Saratov Soviet of workers and red army deputies...]. 1928. 12 fevr., pp. 2–5.

Lotman Ju. M. Pojezija 1790–1810-h godov [Poetry of 1790–1810 years]. In: Pojety 1790–1810-h godov [Poets of 1790–1810 years]. Vstup. st. i sost. Ju. M. Lotmana; podgot. teksta M. G. Al'tshullera; L.: Sovetskij pisatel'. Leningradskoe otdelenie, 1971 (Ser. «Biblioteka pojeta. Bol'shaja serija»), pp. 5–62.

Lotman Ju. M. Russkaja poezija nachala XIX veka [Russian poetry of the beginning of the XIXth century]. In: Pojety nachala XIX veka [Poets of the beginning of the XIXth century]. Vstup. st., sost., podgot. teksta i komment. Ju. M. Lotmana. L.: Sovetskij pisatel', 1961 (Ser. «Biblioteka pojeta. Malaja serija»), pp. 5–112.

Pleve I. R. Iz istorii saratovskih profsojuzov 1921–1922 godov [From the history of Saratov trade unions in 1921–1922 years]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1985. 40 p.

Sakulin P. N. K itogam russkogo literaturovedenija za desjat' let [The results of the Russian literature in the last ten years]. In: Literatura i marksizm. 1928, no. 1, pp. 121–138.

Sakulin P. N. Sinteticheskoe postroenie istorii literatury [Synthetic construction of the History of Literature] M.: Mir, 1925. 118 p.

Slovochotov L. A. O klassikah russkoj literatury [About classics of Russian literature]. Saratov: Saratov: Izdanie avtora; Tipografija Gorsoвета v Balakove, 1927. 195 p.

Slovochotov L. A. Prav li Raskol'nikov F. M. Dostoevskogo? Rech' prokurora literaturno-obshhestvennogo suda nad Raskol'nikovym – geroem romana Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» [Whether the rights Raskolnikov Dostoevsky? The speech of the Prosecutor the literary public trial Raskolnikov as protagonist of Dostoevsky's novel «Crime and punishment»]. Saratov: Izdanie Tovarishhestva «Sotrudnik shkoly», 1918. – 56 s.

Slovochotov L. A. Pravovye vzgljady Maksima Gor'kogo [Maxim Gorky's Juridical views]. In: Krasnyj put' zheleznodorozhnika [The Red road of railway workers]: Izdanie Glavnogo politicheskogo upravlenija zh. d. NKPS. 1919, no. 28. M.: Literaturno-izdatel'skij otdel Glavpolitputi, pp. 5–7.

Archives

Arhiv Saratovskogo gosudarstvennogo Medicinskogo Universiteta [Archive of the Saratov state Medical University] (SGMU), Saratov.

Gosudarstvennyj arhiv Saratovskoj oblasti [State archive of Saratov region] (GASO), Saratov.

Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva [Russian State Archive of Literature and Art] (RGALI), Moscow.

Khroustaleva Anna V. – Associate Professor, Gagarin State Technical University of Saratov, Foreign Languages Department (77 Politekhnikeskaya Str., Saratov, 410054, Russian Federation, tevlin1982@mail.ru)